

РЕЦЕПЦИЯ ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Изучается рецепция повести «Скучная история» А.П. Чехова в англоязычной культуре. В результате анализа фундаментальных исследований творчества русского писателя сделаны выводы о специфике англоязычной рецепции такого значимого произведения Чехова, как «Скучная история».

Ключевые слова: А.П. Чехов; «Скучная история»; англоязычная рецепция.

Повесть «Скучная история» (1889) – этапное произведение А.П. Чехова. Наряду с повестью «Степь» (1888) «Скучная история» ознаменовала собой начало зрелого периода творчества писателя, поэтому закономерно, что она находится в центре внимания как отечественного, так и зарубежного чеховедения. Однако в трудах Г.П. Бердникова [1], Н.И. Гитович [2], М.П. Громова [3], В.Я. Линкова [4], В.Б. Катаева [5], Э.А. Полоцкой [6], И.Н. Сухих [7], А.П. Чудакова [8], где повесть исследована глубоко и всесторонне, собственно рецепция чеховского творчества не изучается. В свою очередь, работы А.Н. Николугина [9], Т.Н. Красавченко [10], М.А. Шерешевской и М.Г. Литавриной [11], посвященные англоязычному восприятию творчества Чехова, не содержат в себе подробного анализа рецепции того или иного отдельного произведения писателя.

Представляется, что специальное исследование рецепции повести «Скучная история» позволит выявить сущностные особенности восприятия зрелого творчества Чехова англоязычной культурой и литературой. Материалом для анализа стали фундаментальные английские и американские исследования творчества русского писателя XX – начала XXI в.

Книга У. Джерхарди «Антон Чехов. Критическое исследование», опубликованная в 1923 г., стала самым значительным англоязычным исследованием творчества писателя своего времени.

Джерхарди был уроженцем Петербурга, поэтому великолепное знание русского языка позволило ему читать Чехова в оригинале, а понимание ментальности русского человека определило адекватность его интерпретаций. Ученый исследует в основном зрелую прозу писателя. В центре его внимания – «Скучная история», «История неизвестного человека», «Учитель словесности», «Дуэль», «Гусев», «Три года», «Дама с собачкой», «Душечка» и «Анна на шее».

«Скучная история» исследуется в связи с размышлениями Джерхарди о новаторской специфике чеховского психологизма. «В ней есть настроение», – утверждает ученый (здесь и далее перевод мой – Е.С.) [12. С. 144]. Данная специфика, по мысли Джерхарди, определяется особой «двойной атмосферой... которая заключается в организации субъективной манеры повествования на основе объективного отношения личности к действительности» [12. С. 126]. На материале анализа повести ученый разъясняет, что именно он понимает под «двойной атмосферой» чеховского творчества: «персонажи сами рассказывают о себе, и даже если их исповедь ведет к саморазоблачению, читательская симпатия по отношению к ним сохраняется» [12. С. 136].

Так, например, писатель «заставляет старого профессора, который является в “Скучной истории” повествователем, жаловаться... на юношеский эгоизм своего сына-офицера, получающего скромный доход, которого он должен поддерживать, хотя хотел бы, чтобы все было наоборот» [12. С. 135]. Исследователь подчеркивает тот факт, что Чехов в свои 29 лет пишет повесть о внутреннем мире человека преклонного возраста, исполненного неразрешимых противоречий. В результате этого в восприятии Джерхарди «Скучная история» – «великолепно проработанная психологическая картина» [12. С. 144]. Итак, в первом по времени фундаментальном англоязычном исследовании творчества повесть Чехова интерпретируется в психологическом аспекте.

Следующим этапным англоязычным исследованием творчества Чехова стал труд Т.Г. Виннера «Чехов и его проза» 1960-х гг., в котором повесть «Скучная история» исследована уже в двойном – психологически-философском – ракурсе. По его мнению, «Скучная история» стала самым значимым произведением Чехова 1880-х гг., поскольку с нею в творчество писателя, наряду с психологической, вошла философская проблематика. При этом, как подчеркивает ученый, Чехов и сам осознавал, что «Скучная история» содержит «совершенно новые мотивы» [13. С. 91].

В центре анализа повести – философская проблема «общей идеи». Значимость ее в книге настолько велика, что тема «поиска общей идеи» объединяет здесь целый ряд произведений: «Скучную историю», «Гусева», «Дуэль», «Палату № 6». По мысли Виннера, философская проблематика данных произведений свидетельствует о «возникшем конфликте между новой наукой и традиционными гуманистическими ценностями» [13. С. 90]. Но ключевая роль в этом исследовании отведена «Скучной истории», в которой «чрезмерная преданность науке очень талантливым ученым – одна из основных причин его изоляции и несчастья» [13. С. 90].

Вслед за Джерхарди Виннер продолжает рассматривать данное произведение и в психологическом аспекте, по его мнению, в повести «...философский уровень объединяется с психологическим, поскольку Чехов исследует проблемы духовных исканий человека и его неспособности найти общую идею; следствием этого становится человеческая изолированность от себя и общества» [13. С. 96].

Анализируя бурные дискуссии, которые сопровождали выход в свет «Скучной истории», Виннер приходит к выводу, что «наиболее дискутируемый вопрос – в чем причина обособленности профессора, его несчастья» [13. С. 92]. Ответ на данный вопрос, по мысли ученого, может быть найден только в двойном – одновременно психологическом и философском – подходе.

Виннер считает, что следует говорить о нескольких источниках психологического упадка главного героя: «Психологический крах успешного и счастливого ученого <...> таким образом, соотносится со многими факторами. Одиночество известного и отчаяние старого человека <...> обособление личности <...> сопротивление общественной пошлости, – все это приводит к тяжелому положению профессора» [13. С. 94–95]. Ученый также заостряет внимание на «банальности» и «пустоте», «горечи» и «цинизме», которые свойственны всем остальным персонажам данного произведения. Поэтому люди, окружающие Николая Степановича, ему глубоко неприятны. «Профессор не только изолирован от окружающих... но и также он страдает от своей собственной слабости, неспособности понять других» [13. С. 94]. Внутренний конфликт героя нарастает в предчувствии приближающейся смерти. «Отсутствие “общей идеи”» – это внешнее выражение его психологической деградации и возрастающей обиды» [13. С. 93]. Но, по мнению Виннера, именно только «внешнее». Исследователь считает, что «нельзя согласиться с теми учеными, которые отстаивают эту точку зрения как единственную причину несчастья профессора» [13. С. 93].

По мысли Виннера, в конечном счете «профессора мучает его неспособность сформировать новую и более позитивную философию» [13. С. 93]. Стремление обособить особую важность философской проблематики повести приводит ученого к вопросу о ее автобиографичности: «ее меланхолический тон и аналитичность отражают тот умственный и эмоциональный кризис, через который Чехов проходил в это время» [13. С. 91]. Вновь, как и Джерхарди, размышляя о молодом возрасте автора повести, Виннер указывает на противоречие между молодостью Чехова и его в определенной степени трагическим мировосприятием. Ученый размышляет о смерти брата писателя Николая, умершего в 1889 г., в год создания повести. Смерть брата, с которым Чехов был очень близок, оставила в его душе глубокий след. В этот период он постоянно размышлял о смерти как о неотвратимой силе, неумолимо приближающейся и к нему самому. Именно этот собственный духовный кризис молодого Чехова и определил философскую проблематику «Скучной истории», считает ученый.

Так установка на философско-психологическую интерпретацию повести обусловила обращение Виннера и к проблеме автобиографичности «Скучной истории».

Именно автобиографический подход к повести определил специфику следующего этапа ее интерпретации. Англоязычное литературоведение 1970-х гг. в целом сосредоточено на частной жизни Чехова. Зарубежные литературоведы стремятся исследовать творчество русского художника, соотнося его с теми или иными биографическими фактами.

Особой популярностью среди англоязычных читателей пользовалась в это время «Новая биография Чехова» Рональда Хингли. Следует подчеркнуть, что Хингли – не только литературовед, но и переводчик, он – создатель так называемого «Оксфордского Чехова» [14], поэтому его восприятие творчества писателя особо значимо.

В «Новой биографии Чехова» повесть «Скучная история» занимает важное место: это шедевр, которым

Чехов закрепил за собой «звание самого тонкого и активного русского прозаика своего поколения» [15. С. 117].

Хингли отмечает парадоксальность «Скучной истории», считая ее «одновременно и самой пессимистичной, и самой веселой повестью, вышедшей из-под чеховского пера» [Там же]: «<...> почти бессюжетные воспоминания старого человека, больного, находящегося на грани смерти, который пересматривает свою прошлую жизнь, сопровождая ее потоком жалоб. Но это жалкое существование <...> представляет собой все то, чего желает каждый обычный человек: выдающаяся карьера, публичное признание, вознаграждение профессиональным успехом, удовлетворение в семейной жизни» [Там же].

В книге Хингли доминирует установка на автобиографическую интерпретацию повести: «Несмотря на явную разницу между деморализованным, больным, пожилым героем “Скучной истории” и молодым, успешным ее энергичным создателем, возникло впечатление, что это был автопортрет» [15. С. 118]. «Действительно ли пессимистические взгляды чеховского профессора приписываются самому писателю?» [Там же] – задается ученый вопросом и, в целом, дает на него положительный ответ.

Хингли в своей книге выстраивает целый ряд аналогий между Николаем Степановичем и Чеховым. Это отношение к науке: «Чеховский профессор все еще верит в науку, как и сам Чехов, но, как и его создателю, ему не хватает “общей идеи”, которая совместила бы в себе его достижения, научную деятельность и семейное счастье» [Там же. С. 117]. Это высказывания о театре: «В уничижительных высказываниях профессора о театре мы можем обнаружить замечательную гармонию тона и содержания с <...> суждениями о русском театре, высказанными самим Чеховым под его собственной подписью» [Там же. С. 119]. Наконец, по мысли ученого, в «Скучной истории» реализовано чеховское отношение к женщинам. С точки зрения Хингли, Чехов был «достаточно беспомощным, хитрым и эгоистичным, когда ему приходилось сталкиваться с эмоциональными дилеммами своей сестры, знакомых женщин и жены» [Там же]. Это представление ученого основано на текстах чеховских писем, но, как отмечает современная исследовательница, «пространная переписка писателя иронична, литературна, изобилует мистификациями, едва ли ее можно использовать как “ключ” к разгадке» [10. С. 105].

1880-е гг. знаменуются возвращением англоязычного чеховедения к собственно эстетической проблематике. Так, Х.П. Стоуэлл в своей монографии «Литературный импрессионизм. Джеймс – и Чехов» отстаивает идею импрессионизма как ведущего художественного метода русского писателя [16]. Стоуэлл размышляет о разрыве обоих писателей «с трансцендентной субъективностью романтизма и всеведущей объективностью реализма для выработки субъективного объективизма литературного импрессионизма» (Цит. по: [9. С. 150]). Ученый утверждает, что «Чехов и Джеймс стали импрессионистами в литературе <...> когда они осознали необходимость отказаться от описательности и от авторского всеведения в прозе» [Там же].

Повесть «Скучная история» занимает значимое место в книге Стоуэлла, ученый относит ее к так называемому «среднему этапу» «музыкального импрессионизма» русского художника. С его точки зрения, именно в этой повести, наряду с некоторыми другими произведениями Чехова, и проявился его «субъективный объективизм» [Там же].

1990-е гг. стали новым этапом восприятия творчества Чехова англоязычной культурой, который можно охарактеризовать как попытку комплексного подхода к его изучению.

Д. Рейфилд в своей монографии «Постигая Чехова: исследование чеховской прозы и драмы» анализирует наследие писателя, опираясь на достоверные биографические источники, письма, архивные материалы, воспоминания современников, тем самым воссоздавая полную картину творческой лаборатории художника. На этой основе ученый раскрывает важные философские и эстетические проблемы чеховского творчества. В связи с таким исследовательским подходом Рейфилд в своей книге уделяет особое внимание повести «Скучная история».

Принципиальным представляется следующее высказывание ученого: «“Скучная история” – лирическое произведение, очень личное, как песнь Экклезиаста» [17. С. 68]. Личный, автобиографический аспект произведения возведен здесь Рейфилдом до уровня религиозно-философских обобщений Экклезиаста.

С одной стороны, Рейфилд, как и его предшественники, рядом фактов стремится доказать автобиографический характер данного произведения: «Его (профессорские. – Е.С.) обвинения в адрес современной литературы читаются в большой степени как чеховское порицание заурядности; как и у Чехова, у него было три критерия для оценки великой литературы: остроумие, талант и величие поступков, но современное произведение никогда не удовлетворяет более чем двум названным пунктам. Подобно Чехову, он считает, что правдивое искусство представлено только двумя или тремя классическими авторами, и обращается, как и Чехов, к Мопассану и Золя, к французской литературе, потому что она свободна от политических предрассудков или критической ограниченности взглядов» [17. С. 67].

Исследователь указывает на соответствие судьбы Николая Степановича жизни некоторых реальных людей. Так, он проводит аналогии между трагедией чеховского персонажа и судьбой профессора С.П. Боткина, находит в его характере черты А.С. Суворина.

С другой стороны, Рейфилд акцентирует внимание на увлечении Чехова стоицизмом: «В мае 1889 г. он говорил своим друзьям о стоицизме Марка Аврелия; мы можем проследить ту линию размышлений, которая доминирует в “Скучной истории”, в его словах Суворину о том, что «Экклезиаст подал мысль Гёте написать Фауста» (см.: [18. Т. 3. С. 204]). Те же самые фразы из Экклезиаста, например, “суета сует, все – суета” содержатся в его письмах и рассказах, а фаустовское разочарование знанием, успехом и, в конце концов, самой жизнью определяет его мировоззрение» [17. С. 60].

Важной особенностью исследования Рейфилда является то, что он специально анализирует жанровую специфику чеховского произведения, включая его в

контекст русской литературной традиции: «“Скучная история” в высшей степени современная повесть, один из первых рассказов-исповедей, в котором открыто представлен, скорее, экзистенциальный абсурд, чем нападение, защита или покаяние» [Там же. С. 70]. Ученый спорит с чеховедами, сводившими чеховскую «Скучную историю» только к традиции Л.Н. Толстого: «В “Скучной истории” исследователи увидели только подражание “Смерти Ивана Ильича” Л.Н. Толстого <...> им не удалось увидеть разницу между моралью Толстого и элгией жизни Чехова, между толстовской религиозной драмой и чеховской иронией» [Там же].

В начале XXI в. продолжается углубленное исследование религиозно-философской проблематики чеховского творчества, о чем свидетельствует, например, выход в свет книги М.С. Свифта «Библейские подтексты и религиозные темы в произведениях А.П. Чехова». Значительное внимание в своей книге ученый уделяет «Скучной истории». Вслед за Рейфилдом он также рассматривает повесть в контексте христианских и религиозно-философских проблем и понятий. Кроме этого, он опирается на исследования русских чеховедов В.Б. Катаева, Э.А. Полоцкой, В.Я. Линкова и др., также анализирующих повесть Чехова в религиозно-философском аспекте.

Американский исследователь противопоставляет свою собственную точку зрения мнению большинства англоязычных литературоведов, рассматривающих «Скучную историю» в автобиографическом ключе. Тем не менее, он также обращается к фактам жизни Чехова, размышляя о причинах его жизненного кризиса рубежа 1880–1890-х гг. Ученый солидарен с мнением русского философа Льва Шестова [19], который «считает чеховский кризис более личным, чем творческим» [20. С. 32]. Опираясь на точку зрения еще одного русского исследователя, В.Я. Линкова [21], Свифт подчеркивает, что в авторской позиции писателя «обращает на себя внимание то, что чеховское восприятие жизни “абсурдное, хаотичное, фрагментарное, без высоких ценностей, которые дают существованию чувство единого целого”, описанное в “Скучной истории”, было для своего времени новаторским» [20. С. 58]. По его мнению, «большой интерес, чем предполагаемые причины или влияния, которые содействовали чеховскому кризису, творческому или личному, представляют те тематические “симптомы”, которые нашли выражение в его прозе» [20. С. 32].

Исследователь согласен с позицией Виннера, вслед за ним поднимая специальный вопрос о психологической изолированности и несчастье профессора. По его мнению, чеховский выбор героя не случаен, Николай Степанович – «не традиционный социальный тип... а ученый с всемирно известной репутацией, который внес ценный вклад в свою сферу деятельности <...>» [20. С. 54]. Но несмотря на большие достижения, признание и почет, он не получает удовлетворения от взаимоотношений с окружающими его людьми. Осознание своей обособленности заставляет Николая Степановича задуматься над проблемой жизни без смысла или «общей идеи».

Именно в данном контексте ученый и обращается к книге Экклезиаста. Анализ чеховской повести повлек

за собой размышления Свифта и об этой вечной книге. Как подчеркивает исследователь, Чехова и Экклезиаста, «обоих... неправильно считали пессимистами, каждый фактически утверждал ценность необходимых испытаний и простых наслаждений» [20. С. 70]. Свифт не хотел бы однозначно утверждать, что Чехов непосредственно заимствовал темы из книги Экклезиаста, используя их в своем творчестве при каждой возможности. Ученый полагает, что Чехова и «мудрого создателя» Экклезиаста объединяет сходный метод наблюдения над человеком и его жизнью, который приводит их к созерцанию и описанию одних и тех же феноменов [20. С. 58].

Таковыми феноменами становятся работа и любовь, они рассматриваются Свифтом в чеховской повести в контексте книги Экклезиаста и потому интерпретируются им в метафизическом ключе.

Особая важность работы в людской жизни утверждается в Экклезиасте 3:22: «Итак, я увидел, что нет для человека ничего лучше, чем получать радость от своего труда, потому что это его награда. Ведь кто приведёт его посмотреть на то, что будет после него?» [22]. По мысли ученого, это соотносимо со страстью Николая Степановича к делу всей его жизни, которое он ставит превыше остальных ценностей бытия. Герой настаивает на том, что «судьбы костного мозга интересуют (его. – Е.С.) больше, чем конечная цель мироздания» [18. Т. 7. С. 263]. Чтение лекций для него – это практически трансцендентный опыт, который приносит ему истинное удовлетворение. Герой боготворит науку,

считает ее высшим проявлением любви, ссылаясь на то, как достижения науки могут улучшить человеческую жизнь. При этом профессор не утверждает, что наука может дать ответы на все вопросы.

С точки зрения Свифта, в отношении Николая Степановича к воспитаннице Кате проявилась настоящая отцовская любовь. Ученый трактует ее эмоциональное состояние также метафизически, проводя аналогию между ним и «экклезиастским выражением усталости» [20. С. 57]. Ученый сравнивает глубоко разочарованных в своей жизни чеховских персонажей с героем Экклезиаста: «Чеховские темы единственности, отчужденности и недопонимания родных людей могут быть переформулированы как отсутствие понимания и любви» [20. С. 168].

Таким образом, можно утверждать, что повесть Чехова «Скучная история» на протяжении длительного времени находится в центре внимания англоязычного литературоведения, что обусловило несколько этапов ее рецепции. Изначально повесть Чехова интерпретировалась только в психологическом аспекте; в 1960-е гг. психологический подход к повести усложняется философской проблематикой; 1970-е гг. знаменуются доминированием автобиографического подхода к повести; в 1980-е гг. осмысление чеховской повести возвращается в контекст собственно эстетических проблем. В 1990-е гг. осуществлены попытки комплексного анализа «Скучной истории», которые в начале XXI в. продолжены доминированием изучения ее религиозно-философской проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердников Г.П. Идеиные и творческие искания. М. : Худ. лит., 1984. 511 с.
2. Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М. : Гослитиздат, 1955. 879 с.
3. Громов М.П. Книга о Чехове. М. : Современник, 1989. 384 с.
4. Линков В.Я. Художественный мир прозы Чехова. М. : Изд-во МГУ, 1982. 128 с.
5. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 123 с.
6. Полоцкая Э.А. Чехов: Движение художественной мысли. М. : Сов. писатель, 1979. 340 с.
7. Сухих И.К. Проблемы поэтики А.П. Чехова / ЛГУ им. А.А. Жданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 180 с.
8. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М. : Сов. писатель, 1986. 379 с.
9. Никологин А.Н. Чехов и американская литература // Новые зарубежные исследования творчества А.П. Чехова. М., 1985. С. 132–155.
10. Красавченко Т.Н. Английская критика о Чехове // Новые зарубежные исследования творчества А.П. Чехова. М., 1985. С. 100–131.
11. Шерешевская М.А., Литаврина М.Г. Чехов в английской критике и литературоведении // Чехов и мировая литература. Лит. наследство. М., 1997. Кн. 1. С. 406–453.
12. Gerhardt W. Anton Chekhov: A Critical Study. N.Y. : St. Martin's Press, 1974. 172 p.
13. Winner T.G. Chekhov and his prose. N.Y., 1966. 266 p.
14. Oxford Chekhov / ed. and tr. Ronald Hingley, vols. 1–3, the plays; vols. 4–9, the stories of 1888–1904. London, 1964–1980.
15. Hingley R. A New Life of Chekhov. N.Y. : Knopf, 1976. 348 p.
16. Stowell H.P. Literary impressionism, James – and Chekhov. Athens : Univ. of Georgia press, 1980. IX, 277 p. Bibliogr.: p. 261–272.
17. Donald Rayfield. Understanding Chekhov: a critical study of Chekhov's prose and drama. Madison : The University of Wisconsin press, 1999. 304 p.
18. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
19. Шестов Л.И. Сочинения : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. 559 с.
20. Mark Stanley Swift. Biblical subtexts and religious themes in works of Anton Chekhov. N.Y., 2004. 198 p.
21. Линков В.Я. Через сомнение к «Богу живого человека» // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. М. : Наука, 1995. С. 14.
22. Открывая сердце Писания. Т. 2. Поэтические книги и пророки. Книга Экклезиаста. URL: <http://www.ohs-books.org>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 мая 2012 г.